

Ковалева Е. В.,
*кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и культурологии,
Орловский государственный университет им. И.С.Тургенева*

**Г.-Г. Гадамер об особенностях семантического и герменевтического
подходов к пониманию текста**

В статье анализируется взгляд Г.-Г. Гадамера на взаимоотношения герменевтики и семантики как центрального раздела семиотики, выявляются особенности его подхода к проблеме понимания текста.

Ключевые слова: *герменевтика, семиотика, семантика, Гадамер, понимание, высказывание.*

Kovaleva E. V.,
*Candidate of Philosophy, Docent,
Associate professor of Department of Philosophy and Cultural Studies,
Orel State University named after I.S. Turgenev*

**Hans-Georg Gadamer on the special aspects of the semantic and hermeneutical
approach to apprehension of text**

The article analyzes Gadamer's view on the relations of semantics and hermeneutics as a central section of the semiotics; reveals the special aspects of his approach to the problem of apprehension of text.

Keywords: *hermeneutics, semiotics, semantics, Gadamer, comprehension, statement*

Статья Г.-Г. Гадамера «Семантика и герменевтика» была опубликована в 1968 году. Она принадлежит к зрелому периоду творчества философа. Вопросы языка, слова, понимания всегда занимали важное место в его концепции, но, в то же время, Гадамер долгое время не уделял внимания плодотворно развивавшемуся семиотическому направлению философии языка, которое в 60-е годы было представлено целым рядом ярких имен. Это подтверждает предположение Ю. Катаквирты о том, что мыслитель сознательно и принципиально «не интересовался языком как системой знаков и, в частности, влияниями означающих» [5, с. 47].

В названной статье Гадамер признает, что семиотика и герменевтика родственны друг другу и общим полем исследования для них выступает «языковая форма выражения нашего мышления» [2, с.60]. Он указывает на взаимодополнительность этих направлений. В языковой реальности все является знаком, в семиотическом пространстве все так или иначе связано с пониманием. Жизнь языка невозможна без понятий знака и понимания. Кроме того, и герменевтика, и семантика «отвлекаются от наличествующей

множественности языков» [2, с. 61] и выходят на уровень широких обобщений – представляют собой мета-теории.

На фоне отмеченного сходства обнаруживаются различия: семантика смотрит на язык «извне», она изучает его как некий объект, внешний по отношению к исследователю, она классифицирует знаки, раскладывая их «по полочкам» – Гадамер указывает на работу, проделанную в этом направлении Моррисом, – в чем и заключается ее существенная заслуга. Еще одно завоевание: «фиксация общих структур языка, повлекшая за собой отказ от ложного идеала однозначности знака и от возможности логической формализации языковых выражений» [2, с. 61]. Нетрудно заметить, что этот комплимент содержит в себе некоторую долю иронии, если вспомнить о том, сколько сил было положено представителями аналитической философии на попытки средствами семантических исследований и экспериментов разработать однозначный язык науки и философии. Негативный результат, к которому пришли эксперименты членов венского кружка, был «заранее ясен» с точки зрения герменевтики, в которой многозначность слова принималась как данность и расценивалась как положительное качество, придающее языку гибкость и выразительность.

Еще одна заслуга семантики, которую выделяет Гадамер, – уничтожение иллюзии самостоятельности изолированных знаков и их взаимозаменяемости. Здесь опять-таки нельзя не вспомнить, что к этим важным открытиям аналитическая философия пришла, пользуясь методом от противного, через попытки конструировать искусственные языковые образования, через эксперименты представителей «венского» кружка по созданию однозначного языка «атомарных предложений». «Невыполнимость этой задачи послужила одной из основных причин крушения логического позитивизма» [6, с. 169].

Гадамер подчеркивает позитивную роль метода семантического анализа, при помощи которого был развеян миф о взаимозаменяемости слов как неких оболочек смысла. Он также признает действенность и важность метода семантического эксперимента (в отечественной лингвистике и герменевтике он получил название стилистического). В основе этого метода лежит замена в тексте одного слова на другое, чаще всего синонимичное. Этот метод подводит «экспериментальную базу» под одну из ключевых идей концепции Гадамера: о связи смысла слова с его контекстом и об отсутствии или даже невозможности синонимии в поэтическом языке.

Гадамер предполагает, что семантическому анализу «под силу преодолеть теорию значения, опирающуюся на изолированное слово» [2, с. 61]. Он обращает внимание и на то, что понятие «синоним» постепенно утрачивает актуальность и семантика движется в том направлении, которое подводит ее к установкам герменевтики: для определенного контекста допустимо лишь одно выражение. В то же время столь жесткой связь слова и контекста является лишь в лирической поэзии, где каждое слово «достигает предела индивидуализации» [2, с. 61].

Обратившись к проблеме уникальности слова как элемента высказывания, Гадамер фактически призывает семантику вернуться к

оставленным ею принципам диахронии. Он считает, что «семантика может фиксировать различия между эпохами и вместе с тем улавливать общий ход истории» [2, с. 61]. При этом метод семантического эксперимента может быть применен и к изучению памятников письменности, и к рассмотрению такого явления, как перенесение выражения из одной области значений в другую, то есть метафоры. Семантика, по мнению Гадамера, должна обратиться к изучению языковых процессов, обратить внимание не столько на зафиксированные ею же значения, сколько на процессы, приводящие к их изменению, – процессы «беспрерывного прорастания выражений из одних сфер применения в другие» [2, с. 62], основанные на постоянном взаимодействии языка и опыта. Но могут ли принципы и методы семантики справиться с подобной задачей? Может ли она выйти за пределы структуры словаря и грамматики и обратиться к живой речи? По всей видимости, в этом направлении семантике «положен известный предел» [2, с. 63].

Этот предел связан с установкой на унификацию «всеобщих семантических структур», которая невольно оставляет за рамками изучения конкретные черты отдельных языков. Изучение языка вообще располагается в поле напряжения, возникающем между тягой к унификации или «конвенционализму» и стремлением к индивидуализации. Гадамер отмечает бесперспективность обеих крайностей. Кто говорит на абсолютно индивидуальном языке «понятном ему одному, то «не говорит вообще» [2, с. 63]. Но и всецело конвенциональный язык – полностью соответствующий словарным значениям и правилам – утрачивает сообщающую и побуждающую силу. Такой язык мертв.

Однако язык сопротивляется мертвящим тенденциям – даже искусственно выдуманная научная терминология, которая «с трудом укладывается в естественное русло языка», часто осваивается речью, обрастая новыми оттенками смысла.

Высшее проявление индивидуализирующей тенденции речи Гадамер усматривает в поэзии. Именно поэзия показывает негодность субституционной теории, согласно которой одно выражение можно поставить на место другого или редуцировать сложное к более простому. Непереводимость лирических стихов показывает всю несостоятельность попыток замещения слова «эквивалентом».

В этом случае, по мнению Гадамера, «семантика снимает себя саму и переходит в иное качество» [2, с. 64]. Ограниченность ее заключается в том, что знак, который она делает своим центральным понятием и главным объектом изучения, только средство. Знаки, как всякие средства, «произвольно вводятся в обращение и произвольно из него выводятся». Средства – это то, чем владеют и что используют. Однако Гадамер не считает, что слова являются такими послушными инструментами. Люди не выбирают слова – это «иллюзия, в плену которой находится речь» [2, с. 64]. На самом деле «речь вверяет себя пробуждающейся в медиуме языка сути дела», смысл в какой-то степени завладевает человеком и речь порождается им. Взаимодействие говорящего с языком и смыслом есть почти медиумическая способность – на грани

безотчетности. Смысл и речь владеют говорящим не в меньшей степени, чем он ими – в единстве речи и говорящего возникает речевое событие.

Неприятие семантического формализма и попыток конструирования языка роднит высказывания Гадамера с взглядами Павла Флоренского. Русский философ подвергает уничтожающей критике проект искусственного языка представителя семиотического подхода Якова Линцбаха. «Самая мысль об органическом в языке чужда ему: он все признает сделанным, а не рожденным, и язык отсюда не исключается. Линцбаху не дорог язык, а дороги услуги языка...» [7, с. 188].

Гадамер не так резок и полемичен, как Флоренский, но в целом их отношение к «прагматике» представителей аналитической философии языка совпадает. Указав на некоторую ограниченность структурного и семантического подходов, Гадамер признает их заслуги в определенной сфере. Однако более глубокий взгляд на язык предполагает использование другого, «иначе ориентированного» подхода – это герменевтика. Только она способна обнаружить присутствующий в речи потаенный смысл, ускользающий, «как только ему придется какая-то форма выраженности» [2, с. 65].

Гадамер перечисляет те виды высказываний, смысл которых в первую очередь требует приложения к себе герменевтического опыта. Это высказывания, которые не рассказывают о событии и не оценивают его, а сами являются событием, их нельзя отделить от обстоятельств произнесения. К категории таких высказываний относится вопрос – в нем заложено побуждающее действие, вызов, обращение. Вопрос – не просто знак, но и действие, ему «мало быть лишь синтаксической единицей, чтобы его смысл именно как вопроса зазвучал в полную силу» [2, с. 66]. Вопрос не столько несет в себе значение и смысл, сколько вызывает их к жизни, поэтому он не укладывается в семантическую схему «означающее – означаемое». То же самое относится к таким высказываниям-действиям, как проклятье, благословение, приказ. Ни одно из них не может принять форму информационного высказывания – «я говорю, что я тебя проклинаяю» – не потеряв своего прямого смысла [2, с.66]. Эти высказывания нуждаются в деятельностном контексте и акте понимания.

Отметив актуальность герменевтических методов для «высказываний-действий», Гадамер не умаляет значения письменных текстов, на которые традиционно направлено внимание интерпретатора и исследователя. Оторванные от ситуации «произнесения» и зафиксированные на бумаге письменные тексты нуждаются в том, чтобы ситуация «речи» была воспроизведена: данные ими ответы нуждаются в вопрошании, которое способно вызвать к жизни таящийся в них смысл. Только вопрошающее слово может пробудить к жизни смысл других слов.

Герменевтика для Гадамера – это открытие потаенного, поэтому ситуация утаивания смысла настоятельно требует герменевтического подхода. Ложь как «наивный способ утаивания» или ложь как откровенный вымысел обнаруживают себя в тексте. Такие «виды лжи» в какой-то степени сами желают быть раскрытыми. Иное дело – ложь, которая связана с укоренившейся

ошибкой, ложь, которая и сама не может опознать себя как ложь. Ее обнаружение представляет собой достаточно сложную и важную проблему герменевтики. Такая произвольная лживость «выявляется как образец самоотчуждения, случающегося с языковым сознанием и требующего снятия через усилие герменевтической рефлексии» [2, с.68].

Таким образом, герменевтика необходима там, где на пути взаимопонимания и самопонимания встают серьезные проблемы. Одним из источников герменевтических проблем являются предрассудки, действие которых в мышлении и речи незаметно и неосознанно. Следует отметить, что понятие «предрассудок» получает у Гадамера особое диалектическое толкование, во многом противоречащее просветительской традиции. По определению П. П. Гайденко предрассудок в концепции Гадамера означает некоторое суждение, которое «выносится до окончательной проверки всех предметно определяющих моментов» [4, с. 425]. И в этом качестве он является необходимым условием понимания, поскольку связан с традицией и создает некий общий для отправителя и получателя высказывания смысловой фон: «момент традиции в историко-герменевтическом поведении – реализуется в форме общности основополагающих и несущих предрассудков – заранее сложившихся суждений» [3, с. 74]. И в то же время предрассудки в силу их неосознанности или потаенности требуют особых герменевтических усилий, направленных на их преодоление. Прояснение внерациональных «предпонятий», заложенных в высказывании, порождает выход на новый уровень понимания и самопонимания. Отбросить предрассудки невозможно, поскольку они срослись с «очевидными достоверностями сознания», да и не нужно, но их можно осознать, раздвинув, таким образом, границы герменевтического опыта.

Рефлексивное осознание предрассудков означает победу над догматизмом и застоем. Способность герменевтики активизировать рефлексивность играет большую роль в критике идеологии. Ее цель – преодоление предрассудков и утаивания в восприятии мира и общества. При этом иногда приходится проявлять сомнение в том, что кажется окружающим неизменным и само собой разумеющимся.

Этой областью применение герменевтической рефлексии не ограничивается. Она может и должна быть отнесена также к области науки и методологии. Взгляд герменевтики оказывается шире, чем взгляд науки. Последняя опирается на «отречение, на которое она решилась в пору своего возникновения, а именно, отказ от рассмотрения всего того, что ускользает из-под ее методического контроля» [2, с. 70]. Наука создает свой мир, в котором ей нет альтернативы, поэтому она не способна увидеть собственные границы, и только герменевтический «взгляд со стороны» способен их различить.

Но высший уровень герменевтической рефлексии – это обращенность герменевтики на самое себя – познание собственных пределов. Только герменевтика, обращаясь к своим возможностям и границам, констатирует наличие предзнания и предрассудков как неустранимого горизонта понимания. Герменевтическое сознание включает в критическую рефлексивность себя – и

признает невозможность чистого, не замутненного наличием ожиданий и предрассудков понимания.

«Притязание на полную беспредпосылочность наивно, будь то химера абсолютного просвещения, химера эмпирии, свободной от всех предвзятостей метафизической традиции, или химера преодоления науки с помощью критики идеологии» [2, с. 71]. Только герменевтическое мышление постоянно помнит о своей конечности.

Говоря о герменевтике, Гадамер затрагивает вечную философскую тему стремления к истине на фоне осознания ее недостижимости. В этом противоречии суть истинной философии – не ставить истину на службу себе, но самому служить ей, осознавать невозможность достижения цели и все же не останавливаться на пути к ней. Таким образом, герменевтика как стремление добраться до самой сути понимания, до его рефлексивного истока выступает как истинная философия. В этом качестве она возвышается над наукой, поскольку герменевтическая рефлексия «осуществляет самокритику мыслящего сознания, в ходе которой все абстракции этого сознания обретают утраченную целостность человеческого опыта мира» [2, с. 71]. Различие между герменевтикой и семантикой, которые в начале статьи признавались почти равноправными направлениями, с точки зрения вывода, оказывается существенным. Герменевтика служит истине, семантика как методология – только науке. Для герменевтики язык – универсальное вместилище смыслов, он стоит над всеми поисками и постижениями, для семантики – язык есть материал для аналитических исследований, поле экспериментов, инструмент для получения позитивных знаний. Герменевтика выражает классическое понимание философии как некоей сверх-науки, семантика – позитивистский взгляд на философию как на служебную по отношению к науке отрасль.

В противопоставлении Гадамером аналитического семантического подхода и герменевтики также можно заметить отголоски проведенного Гегелем различия между рассудком как логическим инструментом познания и разума как высшей интегрирующей способности духа. Семантика связана с рассудочной аналитической деятельностью, она логична и в какой-то степени прагматична. Герменевтика же для Гадамера связана с диалектическим постижением сущности человека и его места в мире.

Список литературы

1. Барабаш О. В., Мартынова О. А. Проблема толкования текста герменевтике Г. Г. Гадамера // Вестник Пензенского университета. №2, 2013. С. 3 – 8.
2. Гадамер Г.-Г. Семантика и герменевтика // Г.-Г. Гадамер. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 60-71.
3. Гадамер Г. Г. О круге понимания // Г.-Г. Гадамер. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 72-82.
4. Гайденок П. П. Прорыв к трансцендентному: новая онтология XX. М.: Республика, 1997.

5. Катаквирта Ю. Философская герменевтика Х.-Г. Гадамера// Герменевтика и деконструкция / Под ред. Штегмайера В., Франка Х., Маркова Б. В. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. – С. 47 – 67
6. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы философии, языкознания, искусства. М.: Наука, 1985.
7. Флоренский. П. А. У водоразделов мысли. М.: Правда, 1990.

References

1. Barabash O. V., Martynova O. A. Problema tolkovanija teksta germenevtike G. G. Gadamera // Vestnik Penzenskogo universiteta. №2, 2013. S. 3 – 8.
2. Gadamer G.-G. Semantika i germenevtika // G.-G. Gadamer. Aktual'nost' prekrasnogo. M.: Iskusstvo, 1991. S. 60-71.
3. Gadamer G. G. O krugu ponimanija // G.-G. Gadamer. Aktual'nost' prekrasnogo. M.: Iskusstvo, 1991. S. 72-82.
4. Gajdenko P. P. Proryv k transcendentnomu: novaja ontologija HH. M.: Respublika, 1997.
5. Катаквирта Ю. Философская герменевтика Х.-Г. Гадамера// Герменевтика и деконструкция / Под ред. Штегмайера В., Франка Х., Маркова Б. В. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. S. 47 – 67
6. Stepanov Ju. S. V trehmernom prostranstve jazyka. Semioticheskie problemy filosofii, jazykoznanija, iskusstva. M.: Nauka, 1985.
7. Florenskij. P. A. U vodorazdelov mysli. M.: Pravda, 1990.